

Д.Д. Пиотровский

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ — УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР?

Предикативность является центральным понятием синтаксического компонента языка. Это именно то свойство, которое отличает основную единицу синтаксиса от единиц более низких уровней, а также от простого набора слов.

Для дальнейшего изложения существенно не давать сейчас названия базовой синтаксической единице, поскольку на разных этапах развития языка центральную роль в синтаксисе могли играть разные построения. Для современного языка с развитой литературной письменной традицией основной синтаксической единицей оказывается, несомненно, предложение, однако, как показал Ю.К. Кузьменко¹ на примере древнеисландской прозы, в языке, в котором письменная (точнее младописьменная) традиция сосуществует и активно взаимодействует с традицией устной, основной единицей синтаксиса оказывается не предложение, а период. Отличие периода от предложения состоит прежде всего в том, что он определяется не только на основе структурных характеристик, но и на базе ритмических параметров². Однако какой бы ни была основная единица синтаксиса и как бы она ни определялась, все равно от единиц более низких уровней она отличается одним и тем же свойством, а именно предикативностью.

Наличие такого универсального свойства вне зависимости от конкретной реализации синтаксических единиц объясняется самой сущностью синтаксического компонента языка и его отличием от других уровней (слов), да и собственных подуровней (синтагм). Именно на синтаксическом уровне происходит воплощение отвлеченных языковых структур в виде конкрет-

ных речевых построений. Причем конкретность последних заключается в их привязке к фрагментам внешней действительности. Далее можно было бы сказать, что такую привязку обеспечивает указанное в заглавии статьи свойство — предикативность. Однако такое утверждение слишком слабо выражает суть явления. Предикативность не обеспечивает привязку — оно само по себе и есть эта привязка языка ко внешнему миру. А если так, то совершенно несущественно, на какие именно единицы в первую очередь членится текст на данном языке, на предложения или на периоды.

Итак, под предикативностью следует понимать отнесение высказывания к действительности³. Данное положение ни у кого не вызывает возражений⁴. Однако следующий шаг в рассуждении оказывается весьма непростым. Казалось бы, после того как получено онтологическое определение предикативности, следует перейти к структурному описанию этого явления. Из многочисленных работ на эту тему упомянем лишь две. М.И. Стеблин-Каменский⁵, хотя и критикует понимание предикативности как парной структуры, по существу сводит первое ко второму. И в тех случаях, где парной структуры не наблюдается, например в односоставных предложениях, соответственно не находится места и предикативности. Таким образом, возникает возможность существования предложений без предикативности. С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Если предикативность определяется как соотнесение высказывания с действительностью, то по правилу силлогизма становятся допустимы предложения, не соотнесенные с действительностью, что невозможно.

В.Б. Касевич разводит понятия синтаксической и семантической предикативности. Под семантической предикативностью при этом понимается наличие особого оператора — предиката, который связывает разрозненные фрагменты в нечто целое⁶, а под синтаксической — существование полной структуры, обеспечивающей контекстную независимость высказывания⁷. То есть предикативность есть там, где есть структура со своей вершиной и с заполненными обязательными валентностями того слова, которое находится в вершине.

Таким образом, предикативность представляется либо в виде парной, либо в виде древесной структуры. Автор статьи берет на себя ответственность предположить, что все возможные трактовки предикативности в конечном счете сводятся к одной из двух вышеуказанных концепций. Однако, какой бы путь понимания предикативности ни был избран, остается открытым вопрос, а где же здесь собственно связь с внешней действительностью, с окружающим миром. Действительно, оба определения, и определение

предикативности как парной структуры: субъект — предикат, — и как дерева с вершиной, имеют дело собственно со структурой, но не имеют, по крайней мере, видимого, выхода во вне, во внешний мир.

Решить эту проблему следует следующим образом: необходимо различать, с одной стороны, собственно предикативность как явление, а с другой стороны, его техническую реализацию при помощи языковых средств. Тогда онтологическое понимание предикативности будет состоять в том, что предикативность есть связь языковых структур с действительностью, а техническое — в том, какими структурными средствами она осуществляется.

Трудности определения предикативности состоят, на наш взгляд, в недоучете первого момента. Действительно, если техническая сторона предикативности уже стала предметом необозримого количества лингвистических трудов, то сторона сущностная, как правило, упоминается лишь вскользь, возможно, как нечто само собой разумеющееся.

Тем не менее сущностная сторона проблемы также, а может быть, и в первую очередь заслуживает внимания. Позволим себе еще раз повторить, что суть предикативности в том, что она связывает языковые структуры с действительностью. То есть с одной стороны мы имеем средства языка, с другой — внешний мир. Средства языка, задействованные для установления предикативной связи, изучены весьма подробно. Но вот фактор другой стороны — внешнего мира — попадал в поле зрения лингвиста в несоизмеримо меньшей степени. Этот факт находит себе совершенно очевидное объяснение: языковые структуры являются специфическим объектом деятельности лингвиста и языкознания как науки, в то время как понятие «внешний мир» слишком обширно и неопределенно, чтобы стать предметом вообще какой-либо науки.

Однако обозревать весь мир и нет никакой необходимости. Говоря о внешней стороне предикативности, т.е. о той, где находится внеязыковая действительность, достаточно принять во внимание только один фактор, а именно степень вовлеченности внешней ситуации в установление связи с языковыми средствами. Степень эта может быть различной. Иногда внешняя ситуация оказывается настолько самодовлеющей, что разговор на постороннюю тему просто невозможен. Тогда связь внешнего и языкового настолько очевидна, что каких-либо языковых формальностей и не требуется.

Подтверждением данного тезиса могут служить так называемые односоставные предложения. В односоставном предложении языковой структурный момент сведен к минимуму. Предложение чаще всего состоит из

одного слова. М.И. Стеблин-Каменский по этой причине вообще отказывается речевым произведениям такого типа в предикативности⁸. Раз нет двух частей, субъекта и предиката, то, следовательно, нет и предикативного отношения. Однако в приведенном им примере: норв. *Brann!* ‘Пожар!’ — связь между языковым высказыванием и реальностью самоочевидна. А такая связь и есть не что иное, как предикативность. Просто эта связь настолько ясна, что не требует никаких особых языковых приемов.

То же самое происходит в ответах на вопрос, в составе так называемых вопросно-ответных единств⁹. Самим фактом вопроса, например *Как зовут вашего сына?*, ситуация диалога, а следовательно и соотнесенность с реальностью устанавливается настолько несомненно, что ответа *Петр* более чем достаточно. Ответ тоже с реальностью соотнесен.

Гораздо чаще, однако, соотнесенность с реальностью не столь очевидна. И тогда возникает необходимость в использовании специальных языковых средств. В качестве такого средства выступает структура в виде дерева с вершиной.

Что будет вершиной? Эта проблема выходит за рамки задач, решить которые призвана настоящая статья. Однако ввиду ее несомненной важности некоторые предварительные замечания все же следует сделать. Есть основания предполагать, что тип вершины — именная или глагольная — зависит от степени сформированности письменной традиции. В языке с установившейся письменной традицией вершиной предложения выступает глагол. В языке исключительно устном вершиной оказывается существительное. Можно предположить, что такое распределение связано с типом основной синтаксической единицы (предложение в письменном языке, период — в устном). В языке младописьменном¹⁰, поскольку там сохраняется период как основная синтаксическая единица, предположительно сохраняется и именная вершина. Как известно, одним из ярчайших примеров сохранения младописьменной традиции являются исландские родовые саги. Дальнейшее изучение этого богатейшего корпуса памятников может помочь в более глубоком понимании таких основополагающих понятий синтаксиса, как основная синтаксическая единица и предикативность.

* * *

¹ Кузьменко Ю.К. Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л., 1991. С. 140–151.

² См., напр.: Пиотровский Д.Д. Переход от косвенной речи к прямой в связи с

проблемой ритмизации текста (на материале Саги о Валла-Льоте) // Скандинавские чтения 2012 года. СПб., 2014. С. 465–476.

³ Данное положение ни в коей мере не претендует на новизну. См., напр.: *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. Издание третье. М., 2009. С. 102.

⁴ Формат статьи не позволяет привести сколь-нибудь полный обзор существующих точек зрения по данному вопросу. Читатель может найти список соответствующей литературы, например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990. С. 392–393).

⁵ *Стеблин-Каменский М.И.* О предикативности // Труды по филологии. СПб., 2003. С. 618–627.

⁶ *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 711–712.

⁷ Там же. С. 754 и далее.

⁸ *Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С. 173.

⁹ См., напр.: *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010. С. 58.

¹⁰ Вслед за А.В. Циммерлингом мы понимаем младописьменный язык как язык, в котором письменная традиция сосуществует с устной. См.: *Циммерлинг А.В.* В поисках устного текста // Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М., 2004. С. 36.